НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Дорога к Спецхрану

В России уже создали «лепрозорий» токсичной литературы и обещают ее исследовать. Как это было в СССР

Фото: Владимир Войтенко / ТАСС

11:42, 4 июля 2026,

Павел Гутионтов

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

Из многообразного советского опыта мы неизменно выбираем самые черные, самые скомпрометированные примеры

«В последнее время в сети и СМИ появилось много вопросов и, к сожалению, домыслов о работе Российской государственной библиотеки. Я считаю важным и правильным открыто рассказать о том, что происходит, — сообщил в своем телеграм-канале генеральный директор РГБ Вадим Дуда. — В 2024 году по поручению Минкультуры России мы начали работу по формированию специального фонда — «Спецхран». В него попадают издания, которые были отпечатаны на территории Украины и попадали в библиотечные фонды Донбасса и Новороссии. Это книги, которые содержат откровенно националистические и русофобские идеи и грубо искажают нашу общую историю».

Он подчеркнул, что эти книги пока не входят в официальный перечень экстремистских материалов Минюста.

«Мы не занимаемся цензурой в том смысле, в котором это пытаются представить. Наша задача — аккуратно и бережно собрать эти издания в одном хранилище, предназначенном для научной и исследовательской работы», — добавил Дуда.

Генеральный директор РГБ Вадим Дуда. Фото: РБК / ТАСС

Глава РГБ уточнил, что в фонде уже содержится почти 18 тысяч экземпляров таких изданий. Ранее в СМИ появилась информация о том, что Российская государственная библиотека имени Ленина работает над созданием закрытого хранилища «деструктивной литературы». В публикациях отмечается, что речь идет о литературе, которая «была представлена на территории исторических регионов и носила деструктивный характер».

Конечно, всё это можно было бы пересказать и своими словами. Получилось бы, во всяком случае, короче. Но текст, обнародованный «Интерфаксом», мне кажется, все равно лучше. Ужаснее. Ведь всё это у нас уже было, хотя в «историю», создаваемую Мединским с командой, это наверняка не попадет.

Что направлялось в советский «спецхран»?

Еще председатель Главполитпросвета Крупская регулярно

рассылала своим подчиненным (по всем библиотекам страны) такие директивы.

> «Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятии контрреволюционной и антихудожественной литературы. Подлежит изъятию: по отделу философии — всё, в том числе сочинения и биография Декарта, Канта, Платона, Спенсера, Шопенгауэра; по отделу религии — всё, кроме антирелигиозной советской литературы, в том числе Евангелие, Коран и Талмуд».

Из философов попадали под запрет Фридрих Ницше, Владимир Соловьев, Николай Лосский, Уильям Джеймс. Несмотря на то что Крупская в юности увлекалась идеями Льва Толстого, она пустила под нож всю публицистику писателя. Запрещены были произведения Николая Лескова, роман Достоевского «Бесы» и даже басни Крылова.

Или вот такое распоряжение жены Ильича:

> «Конкретно должны быть изъяты:
>
> а) По отделу психологии, философии и этики — книги в духе, враждебном социализму и диалектическому материализму.
>
> б) Отдел религии должен содержать только антирелигиозную и противоцерковную литературу.

в) По отделу естествознания — книги, смешивающие науку с религиозными вымыслами, с рассуждениями о безнравственности дарвинизма и материализма.

Для очистки библиотек создать комиссии из представителей Отдела народного образования, местных органов Главлита, а где таковых нет, представителей ГПУ».

Как и следовало ожидать, ударная работа по «очистке библиотек» сразу превратилась в национальное бедствие. Уму непостижимо, *что* чистили!

В 1932 году член президиума Центральной контрольной комиссии при ЦК ВКП(б), верный сталинский пропагандист Емельян Ярославский неожиданно обнаружил, что в ходе усердной чистки библиотек от идеологически вредной литературы с полок были изъяты некоторые его произведения. Ярославский отправил возмущенное письмо в Политбюро:

Емельян Ярославский. Фото: архив

«По одной Московской области изъято из профбиблиотек за 1930–1932 гг. 350 тыс. книг; вывезено из районных библиотек в Москву (склад на Арбате) 209 тыс. книг. По Москве и области специальная бригада из товарищей Модестова, Этингофа, Лебединского, Бузиньера изъяла книги: из библиотеки МОНО: Вэбб «История тредюнионизма» (напомню, что Ленин в ссылке занимался переводами Вэбб); Лозовского — «Вопросы мирового профдвижения» и еще четыре книги разных названий его же; Фриче «Очерки по истории рабочего движения на Западе» и др.

> Изъята вся профсоюзная литература, выходившая до V пленума ВЦСПС VIII созыва; литература о безработице и непрерывке — о переходе на семичасовой рабочий день; почти вся массовая литература по кооперации, по соцстраху, охране труда, колхозному и совхозному строительству, изданная до 1930–1931 гг.».
>
> В дополнение к этому, как писал Ярославский, досталось и философским трудам. Исчезла «вся идеалистическая философская литература, за исключением Канта и Гегеля; работы Спенсера, Зиммеля, Бухарина и др. — по историческому социализму и социологии».

А в крупных библиотеках появились отделы, которые потом и получили название «спецхранов»: «Создан «закрытый фонд», где книгами может пользоваться только партийный актив и учащиеся комвузов. В этот закрытый фонд перенесены такие книги, как: Роза Люксембург «Накопление капитала»; Гильфединг «Финансовый капитал»; книги по истории партии Невского, Керженцева, Ярославского; по экономической политике — Сарабьянова, Крицмана, Таля, Цыперовича; по физике — Тимирязева, Иоффе; по рефлексологии — Бехтерева, Сеченова, Павлова (академика)».

Крупскую, конечно, Политбюро с удовольствием одернуло. Но спецхраны сохранились.

Как это работало?

Количество читателей советских спецхранов было относительно невелико. Наибольшая посещаемость в 1970–1980 годы была в Библиотеке имени Ленина — в ее спецхран

ежегодно записывалось до пяти тысяч человек, которым выдавалось до 200 000 книг (в основном общественно-политической тематики).

Для получения доступа в спецхран требовалось специальное отношение от руководства учреждения (до 1983 года еще и с подписью секретаря парткома), заверенное круглой печатью. В этом документе указывалось место работы, должность и тема исследования, действителен он был в течение года. Порядок доступа в спецхран был «разрешительный», и «неблагонадежные» лица, по идее, отсекались уже на этом этапе.

Фото: Анатолий Поляков / ТАСС

Затем читатель заполнял формуляр и подписывал (что ознакомлен и обязуется выполнять) специальные «Правила пользования литературой спецфонда». Литература выдавалась

«строго в соответствии со служебной деятельностью» и строго по тематике исследования. Запрещалось выносить книги из зала и передавать их другим читателям, а также разглашать «антисоветские и антисоциалистические материалы», содержащиеся в этой литературе» (*пункт 2*).

Кроме того, запрещалось «приводить в открытой печати ссылки и рецензии на авторов, все произведения которых запрещены к распространению» (*пункт 3*). В случае нарушения пунктов 2 и 3 читатель оказывался перед потенциальной возможностью применения к нему ряда статей Уголовного кодекса. Однако следует иметь в виду, что драконовский 3-й пункт касался очень немногих авторов (например, Солженицына).

Для пользования литературой ДСП правила были еще более строгие: выписки делались в специальную тетрадь с грифом, использовать записанное в открытой печати и публичных выступлениях было нельзя. Правда, наказание нарушителям предусматривалось менее страшное: лишение права пользоваться библиотекой на какой-то срок.

> Но как известно, суровость законов в России всегда смягчалась небрежностью их соблюдения. Завсегдатаи спецхранов налаживали хорошие отношения с библиотекарями.

В архиве сохранилось стихотворное послание сотрудникам спецхрана ленинградского писателя В. Львова в ответ на их поздравление с 80-летием. Или трогательная переписка Солженицына 1964 года и сотрудницы ОСХ Сергеевой по поводу возобновления его занятий в библиотеке. Неформальные отношения, конечно же, смягчали жесткость официальных

инструкций. И не только в библиотеках, кстати.

Валерий Замулин. Фото: belpressa.ru

Рассказывал мне Валерий Замулин, автор лучших и самых честных исследований о битве на Курской дуге. Первый раз он приехал в Центральный архив Министерства обороны провинциальным мальчиком, замом директора музея в Прохоровке:

— Мне везло на людей, в любой системе, где маразм есть, попадаются люди… Вообще, действовала общая установка: исследователь — это враг. И от него надо всё скрывать. Но мне с людьми везло. Был такой Сергей Иванович Ярош, когда я начинал работать в архиве Министерства обороны, там было два Сергея Ивановича — начальник и зам его, Ярош. Полковник, командир артиллерийского полка, когда из Германии его вывели, бросили сюда. Он не был ученым, но был с таким

трезвым взглядом на жизнь. Сначала, как и все, просто отшивал, а потом понял, чем я занимаюсь, и увидел, что не клубничку какую ищу… Он мне раз: Валера, вот ты публикуешься, покажи мне какую-нибудь свою работу! Прочитал, говорит: всё, что от меня зависит, — помогу, приходи. И я приходил.

Приезжаю я как-то в архив на неделю. И мне можно получить только 14 дел, и всё. Но я же не сидел в архиве, я закладками закладывал нужное и отдавал на ксерокопирование. И вот прихожу к Ярошу. Я вел для себя дневничок: сколько прочитал, сколько скопировал… Так вот, прочитал я тогда 50 тысяч документов, архивных листов.

Мне такие люди, как Ярош, помогали здорово, и не он один. Была такая женщина классная в том же ЦАМО, Валентина Оттовна, старший научный сотрудник, а неофициально — заведующая читальным залом. Жесткая, темпераментная, крикливая, я бы даже сказал. Но она поняла, кто перед ней и чего хочет. Увидела, что перед ней работяга. Ругалась, воевала, «не положено!» кричала… Но тоже помогла мне здорово.

> С одной стороны, спецхран представлял собой пункт фильтрации, обеспечивая ограничение доступа граждан СССР к информации. С другой — в периоды массовой чистки библиотек он стал спасением для множества изданий, которые в ином случае были бы безвозвратно уничтожены.

В конце концов, само наличие в библиотеках особых отделов со своим порядком хранения и выдачи позволило сохранить

большой массив «политически вредных» изданий. Дав возможность (пусть не массовому читателю, а специалистам) быть в курсе того, чем они занимаются.

По свидетельству знаменитого Солодина, одного из самых страшных цензоров советского времени, заместителя начальника Главлита перед самым его закрытием, вся иностранная литература, поступавшая в СССР и направлявшаяся в спецхраны, разделялась, в свою очередь, на четыре категории по степени ограничений. То есть по списку «1с» она в самом полном объеме поступала в четыре организации: ЦК КПСС, КГБ, Библиотека Ленина и ИНИОН. Из списка «2с» исключалась литература, посвященная лидерам СССР и партийным разногласиям. А вот литература из списка «4с» составляла примерно четверть всех поступлений в страну и направлялась в спецфонды научно-исследовательских институтов и Академии наук.

Среди иностранных поступлений были издания «генерально ограниченные», сразу же автоматически получавшие от Главлита «шайбу» — шестиугольный штамп с индивидуальным номером цензора посередине. К ним относились ведущие политические западные газеты (более 400 по списку), а также все эмигрантские издания независимо от их содержания.

Издания, которым присваивались две «шайбы», хранились обычно в особом шкафу у заведующих, но таких библиотек было не так много, а некоторые (например, даже Библиотека Академии наук или Государственная публичная) не имели права на хранение таких материалов вовсе.

Объем поступлений научно-технической литературы из-за границы, содержащих ведомственную тайну, составлял до 90% всего спецхрана. В ГПБ в 1959 году для такого рода литературы был создан особый фонд ДСП, который значительно превышал по количеству единиц собственно спецхран.

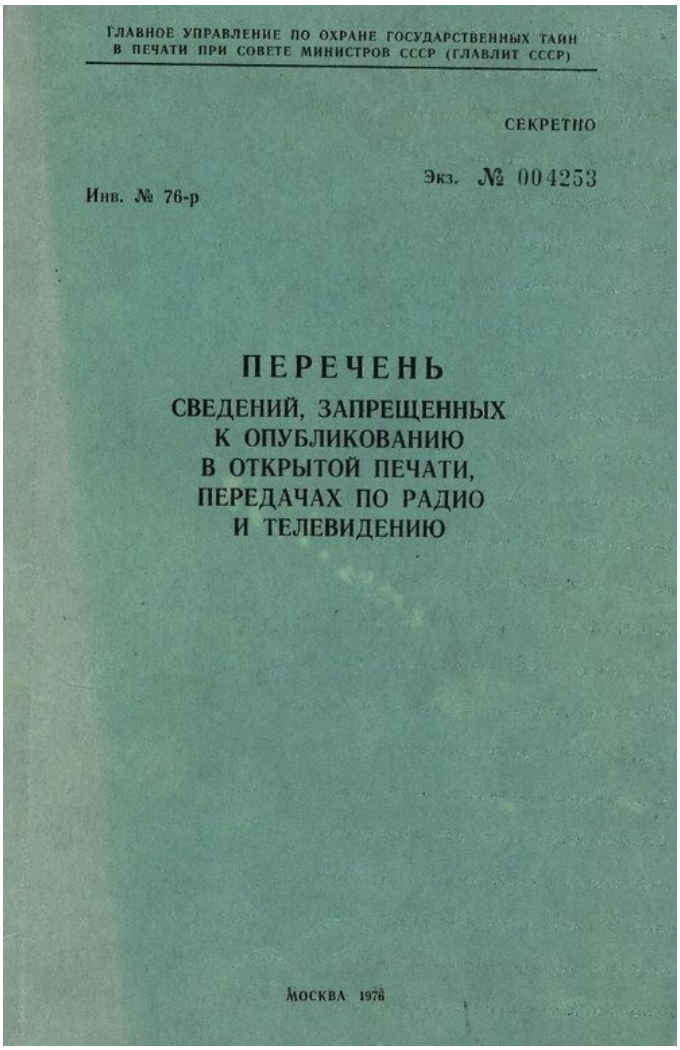
Перед закрытием в 1986 году в «публичке» (ограниченной категорией «4с») спецфонд составлял 273 744 единицы, а фонд ДСП — 305 404 экземпляра.

«Было бы преступлением перед историей…»

Питерский библиограф К.В. Лютова (умерла в 2005-м) написала и в 1999 году издала тиражом 200 экземпляров удивительную книгу — «Спецхран Библиотеки Академии наук. Из истории секретных фондов». В БАН Ксения Владимировна проработала более 20 лет, работу свою любила самозабвенно… Другой такой книги я не знаю.

В спецхранах «провинившиеся» книги не только содержались, но и активно уничтожались. В отделе спецфондов БАН, пишет Лютова, сохранилось 14 актов за 1949–1953 годы, по которым в общей сложности было уничтожено 9506 «библ. ед.» (5798 названий). Эти акты интересны тем, что в них в специальной графе указано, по каким спискам книги были в свое время изъяты из фондов. Ввиду недостатка места в графе они обозначались очень кратко и иногда с трудом поддаются расшифровке (например, Пр. 1.1932; Пр. 196.1933; Пр.2/4.1940; Абх. сп.; Мар. 1940; Б.У. 8/18/1952 и т.п.).

В общей сложности в рассмотренных актах оказались ссылки на 289 списков, библиографических указателей и приказов с 1932 по 1952 год включительно.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН
В ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР (ГЛАВЛИТ СССР)

СЕКРЕТНО

Экз. № 004253

Инв. № 76-р

ПЕРЕЧЕНЬ
СВЕДЕНИЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ
К ОПУБЛИКОВАНИЮ
В ОТКРЫТОЙ ПЕЧАТИ,
ПЕРЕДАЧАХ ПО РАДИО
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

МОСКВА 1976

Главлит, 1976 г.

Довоенных документов на изъятие литературы в БАН нет. Зато в отделе спецфондов сохранилось свыше 80 списков и библиографических указателей с 1948 по 1990 год. И это несмотря на то, что распоряжения органов цензуры нередко заканчивались категорическим требованием: «Все ранее изданные документы Главлита и Леноблгорлита по вопросам изъятия литературы (списки, библиографические указатели, приказы) подлежат уничтожению на местах с составлением соответствующих актов».

В архиве спецфонда обнаружено два акта на списание документов Главлита. Один из них был составлен в апреле 1992 года. Наряду с другими документами отдела спецфондов (ОСФ), подлежавшими уничтожению, была списана «дублетная документация Управления по охране гос. тайн в печати при Леноблгорисполкоме 1940–1960 гг.» (77 единиц). Что за этим

скрывалось, мы уже никогда не узнаем. И почему «дублетная»?

Сохранившийся экземпляр «Алфавитного списка…» охватывает тех, кто был отлучен приказами местных отделений Главлита. Списку авторов, чьи фамилии начинаются с буквы В, предшествует запись: «Вавилов Николай Иванович (По приказам не значится, но литература его не рекомендуется)».

В 1964 году Главлит выпустил небольшой, всего на двух страницах, «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию». В нем 36 фамилий: Берия Л.П., Бухарин Н.И., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б., Троцкий Л.Д. и др. В экземпляре ОСФ на внутренней стороне обложки — расписки заведующих отделами БАН и библиотек сети в том, что они ознакомились с документом. В дальнейшем фамилии авторов, все произведения которых подлежали запрету, сообщались по телефону или приказами Главлита и Леноблгорлита — в основном это касалось эмигрантов и диссидентов.

Самый ранний из сохранившихся в БАН — Приказ Уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати № 134 от 29 января 1953 года. Весь посвящен изъятию произведений французского коммуниста и деятеля Коминтерна Андре Марти (на разных языках) и брошюр о нем — всего 15 изданий.

Приказом № 703 от 23 сентября 1954 года изымалось пять книг об Албании и Югославии. Другими приказами возвращались в открытые фонды запрещенные ранее публикации, вносились исправления в изданные ранее «Списки» и «Библиографические указатели устаревших изданий».

Фото: Владимир Саяпин / ИТАР-ТАСС

Среди книг малого формата («А») очень много брошюр политико-воспитательного характера, изданных в 20–40-е годы и рассчитанных на молодых и малообразованных читателей. Поражает обилие всевозможных «спутников»: «Спутник юного пионера на … год», «Спутник рабочего на … год». «Спутник лектора», «Спутник деревенского работника» и т.п. Многочисленные календари были рассчитаны на более подготовленного читателя: «Календарь коммуниста на 1929 г.» (М., 864 с.), «Страна социализма. Календарь на 1940 г.» (М., 648 с.) и др.

Среди книг большого формата («В») много альбомов, посвященных отдельным людям или событиям. Некоторые издания интересны с художественной стороны, другие — как памятник прошедшей эпохи. Открывается раздел специальным выпуском журнала «Огонек» за 1934 год под названием «Советские субтропики» (редактор — М. Кольцов, сталинский любимец, расстрелян в 1940-м). Список авторов публикаций,

начинающийся с Л. Берия, включает имена многих известных писателей, поэтов и ученых (Н. Вавилова, Г. Табидзе, Б. Пильняка, Б. Пастернака…).

Интересен альбом «Деятели Коммунистического Интернационала. 19 июня — 7 августа 1920 г.». В предисловии к нему говорится: «Не отмечать всех деятелей этого великого этапа, свидетелями которого нас сделала история, было бы преступлением перед историей». Почти все портреты выполнены И. Бродским, некоторые — Г. Верейским, иллюстрации подготовлены М. Добужинским, Б. Кустодиевым и другими известными художниками.

На фоне многих парадных изданий, собранных в этой части фонда, как-то особенно трогательно выглядит тоненькая брошюрка «Наводнение в Ленинграде 24 сентября 1924 г.» (Л., 1926, 21 с.) с иллюстрациями М. Добужинского, А. Бенуа, П. Шиллинговского и фотографиями знаменитого Карла Буллы.

Почему уничтожили? Зачем?

С начала 60-х годов Ленинградский почтамт передавал в спецхран Библиотеки АН СССР книги, присланные из-за границы отдельным ученым, если цензура находила в них «идеологические дефекты» (эту, в сущности, незаконную операцию в московских библиотеках называли переадресовкой). Многие из этих книг адресовались сотрудникам академических институтов, то есть читателям БАН. В спецхране личные книги регистрировались и в течение года хранились на отдельной полке или прямо «на номере» читателя, который мог ими пользоваться в читальном зале отдела. Это правило касалось и сотрудников неакадемических учреждений, которые также оповещались о прибывших на их имя книгах. По окончании года «личная» книга вносилась в инвентарь спецфондов и становилась собственностью библиотеки.

> Некоторые ученые обращались в дирекцию библиотеки с просьбой отдать им необходимые для работы издания, соглашаясь на то, чтобы в них были сделаны «удаления».

Так, членкор Десницкая просила отдать присланный на ее имя фольклорный сборник из Албании. При этом она сама указывала страницы, на которых «содержатся наивные выпады по адресу Н.С. Хрущева. Если нужно, эти страницы можно удалить». Книгу Десницкой вернули, удалив заодно и страницы с песнями, восхвалявшими албанского диктатора Энвера Ходжу.

С такими же просьбами не раз обращались академики Д. Лихачев. М. Алексеев и другие ученые. Некоторые письма подобного рода заканчивались обещанием «не показывать и не давать книгу посторонним лицам».

Академик В. Жирмунский, ссылаясь на свой возраст (78 лет), просил выдать на дом, во временное пользование, присланные на его имя (!) книги. Просьба была удовлетворена. На письме Жирмунского сохранились записи сотрудника спецхрана: «Книги выданы лично акад. В.М. Жирмунскому 25.07.1969 г.» и ниже: «Возвращены. 10.03.1971 г.».

Боже, как стыдно!

В справочно-библиографическом отделе БАН сохранился «Контрольный список изданий, списанных в макулатуру с 1922 по 1929 г. (Сводка всех своевременно высланных распоряжений о списании в макулатуру)». Список издан Главлитом тиражом в 2000 экземпляров. На 53 страницах указано около 2250 книг, подлежащих уничтожению. В списке много политической литературы: резолюции партсъездов, произведения бывших

политических деятелей, издания еще живых в то время лиц, а также отдельные работы Ленина, Сталина, Энгельса, Луначарского…

В список попали самые разнообразные издания. Скажем, и «Резолюции I Всероссийского съезда библиотечных работников», и сборник статей «К 75-летию Революции 1848 г.», и работы Клары Цеткин «Наступление фашизма и задачи пролетариата», «Роза Люксембург и русская революция», и книга К. Чуковского «Уолт Уитмен. Поэзия грядущей демократии»…

В конце указаны подлежащие уничтожению «Репродукции», «Календари и календарные стенки» и «Портреты», в их числе — «Брюсов в гробу», «Дзержинский (в красках)», отдельные портреты Ленина, больше всего портретов Троцкого.

Фото: Эрик Романенко / ТАСС

Из воспоминаний работавшей в 50-е годы в спецхране А.И. Маловой (1905–1993): «При чистке фондов БАН сотрудники спецхрана особенно строго относились к книгам исторического характера. Когда начали проверять хранилище с особо ценными книгами, в том числе по истории различных полков царской России, Белоголовцев (*начальник отдела.* — **П. Г.**) отдал распоряжение выдирать из этих чудесных книг в прекрасных кожаных переплетах портреты царя и его родственников, бывших покровителями этих полков. Я возмутилась, назвав это варварством, ведь каждая такая книга была произведением искусства. В книгах, выпущенных к 300-летию дома Романовых, Белоголовцев разрешил оставить только портреты Петра I. Мне пришлось пойти к директору библиотеки, требуя прекратить это безобразие».

В «дублетах фашистской (*трофейной.* — **П.Г.**) литературы» часто оказывались фундаментальные научные труды, отсутствующие в фондах БАН. Среди списанной иностранной периодики было немало номеров, являвшихся лакунами журналов, имевшихся в фондах. Были и комплекты научных журналов за несколько лет, не выписывавшихся библиотекой из-за отсутствия валюты или по политическим мотивам. По-видимому, не все акты на уничтожение литературы предварительно сверялись с генеральным алфавитным каталогом БАН. Всего за семь лет вырезанию подверглось 1815 номеров журналов. Один экземпляр каждого журнала, принадлежавший основному фонду БАН, оставался неприкосновенным и хранился в отделе спецфондов.

Сотрудники ОСФ БАН считали, что договоренность с Главлитом о передаче в библиотеки академических институтов иностранных журналов с вырезанными страницами «улучшила обслуживание читателей». Самое печальное, что и ученые гуманитарных институтов тоже порой высказывали мнение, что лучше получать необходимый им журнал «в урезанном виде», чем не иметь его вовсе.

Сохранилась копия письма дирекции Института русской литературы (1984 г.) начальнику Леноблгорлита по поводу «Нового журнала» (Нью-Йорк). В письме говорилось: «Учитывая важное значение «Нового журнала» для работы ленинградских ученых, просим рассмотреть вопрос о высылке его в спецфонд БАН хотя бы в урезанном виде, как это практиковалось в прошлые годы».

Видимо, письмо подействовало, и «Новый журнал» снова стал поступать в спецхран, но в каком виде! Ни одно издание специальных фондов не подвергалось таким купюрам. В некоторых номерах было вырезано более половины страниц, а чтобы читатели не узнали, что именно было уничтожено, обычно вырывалось и оглавление. Так, к примеру, в № 111 за 1973 год отсутствуют страницы 35–36, 84–130, 151–174, 163–197; в № 118 за 1975 год вырезаны страницы 108–163,169–222 и т.д.

К счастью, в конце 90-х годов библиотеке через фирму «Русский библиофил» в Париже удалось приобрести комплект «Нового журнала» за прошлые годы. Изувеченные номера сохраняются как вещественное доказательство деятельности советской цензуры.

Несколько цифр для сравнения (при понятной некорректности подобных сопоставлений): в 1865–1904 годы, по данным энциклопедического словаря «Книговедение», в России было уничтожено цензурой 218 книг. Примерно за такой же отрезок времени — с 1949 по 1979 год — и только в БАН было уничтожено более 25 000 названий книг и журналов, или 46 000 библиотечных единиц (не считая изданий для служебного пользования — ДСП).

Всё, что я здесь написал, сам состав «спецхранов», сама практика их функционирования (под крылом всеобщей цензуры) нигде в мире непредставимы. А если и представимы,

то, к счастью, спецхраны сравнить нельзя ни с чем. Это наше ноу-хау.

***

Более всего «советский опыт» напоминает опыт испанский. В 1559 году Филипп II выпустил закон, запрещающий под угрозой смерти всем книготорговцам продавать или хранить любую из книг, запрещенных инквизицией. Этот же закон запрещал иметь книги, написанные на испанском языке и опубликованные за пределами Испании без королевской лицензии. Знание превратилось в товар, подлежащий отслеживанию.

Количество запрещенных книг в списке, опубликованном в 1583 году, разбухало, словно раковая опухоль. Оно увеличилось с 699 наименований (выявленных под руководством Великого инквизитора Вальдеса в 1559 году) до 2315 наименований. В этом «Большом списке книг, запрещенных цензурой», есть произведения Абеляра, Данте, Макиавелли, Мора, Рабле, а также все переводы трудов Эразма на испанский, 22 его работы на латыни. Имелись и запрещенные книги Геродота, Тацита, Платона, Плиния и Овидия. Запреты распространялись на изображения, монеты, портреты, медали, песни и статуи.

> Одним из очевидных результатов испанской «книжной» инквизиции стала деградация. «Что остается Испании? Искусство, наука и торговля исключены. В Испании нет ни математиков, ни физиков, ни астрономов, ни натуралистов».